СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ЗВЯГИНЦЕВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: 8491ba@mail.ru

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-zvyagintsev

«КРАСНОДАРСКИЙ СПРУТ» И ПРОКУРОР НАЙДЕНОВ

Аннотация. Статья посвящена раскрытию подробностей дела, в ходе расследования которого более 5000 чиновников были уволены со своих постов и исключены из рядов КПСС. Заметной фигурой, принимавшей участие в этом расследовании, был заместитель Генерального прокурора СССР В.В. Найденков, которому стоило больших усилий довести начатое до конца в сложной политической обстановке того времени.

Ключевые слова: прокуратура, деятельность прокуратуры, уголовное право, уголовный процесс, уголовная ответственность, обвиняемый

ALEXANDER G. ZVYAGINTSEV

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: 8491ba@mail.ru

"KRASNODAR SPRUT" AND PROSECUTOR NAYDENOV

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the details of the case, during the investigation of which more than 5,000 officials were dismissed from their posts and excluded from the ranks of the CPSU. A notable figure who took part in this investigation was the Deputy Prosecutor General of the USSR V.V. Naydenov, who had to make great efforts to bring what he had begun to an end amidst the difficult political situation of that time.

Keywords: prosecutor's office, the activities of the prosecutor's office, criminal law, criminal procedure, criminal liability, the accused

С первых дней работы в прокуратуре меня поражало убеждение большинства сограждан нашей великой страны, что разобраться и наказать виновных прокурору ничего не стоит — было бы желание. Люди считали, что закон торжествует сам собой, надо только, чтобы прокурор отдал указание. Они не представляли, каких усилий зачастую это стоит, с какими опасностями приходится сталкиваться, какие могущественные противники оказываются на пути.

Об одном из таких случаев я и хочу рассказать. В этом деле было все: небывалый накал страстей, беспрецедентное давление на прокуроров и следователей, шантаж, угрозы расправы, мужественное поведение и стойкость одних работников правоохранительных органов и предательство других, отставки и увольнения, инфаркты и инсульты у некоторых участников этой драмы, не выдержавших напряжения, и даже трагические смерти...

В 1981 г. заместителю Генерального прокурора СССР Виктору Васильевичу Найденову исполнилось 50. Этот год оказался для него роковым. Многие знали, что тучи над ним уже сгустились, и всячески от него дистанцировались, не желая «попасть под раздачу».

Именно тогда меня пригласил к себе прокурор Украины Федор Кириллович Глух. Я в те годы работал в Киеве его старшим помощником.

— Ты с Виктором Васильевичем в хороших отношениях, — сказал Глух, который, кстати, сам с Найденовым дружбу не водил. — Поэтому будет правильно, если ты поедешь в Москву и поздравить его с 50-летием. Заодно поддержишь его от имени всех нас в этот трудный для него момент. Ему сейчас такая поддержка не помешает.

Виктор Васильевич в день встречи, а было это утром 9 сентября 1981 г., как всегда, был очень приветлив, угощал чаем. В общем, держался хорошо, по-мужски. Мы посидели, поговорили. Конечно, я не касался его неприятностей, потому что понимал: ему об этом сложно сейчас рассуждать. Так что больше говорили об общих проблемах прокурорского надзора за следствием.

Уже расставшись с ним, подумал, что, несмотря на всю его поддержку, все-таки заметно, что происходящее давит на него. И он очень сильно изменился после той, первой, встречи с ним, которая состоялась в Киеве пять лет назад.

Было это в сентябре 1976 г. в Киеве на первом Всесоюзном съезде судебных медиков. Огромная седая шевелюра и молодые глаза, которые светились добротой и умом, действовали неотразимо. Три дня в свободное от заседаний время мы гуляли по городу, осматривали его достопримечательности и разговаривали, разговаривали. Любозна-

тельность он проявлял необыкновенную. И хотя с тех пор прошло немало времени, но таких, как он, людей, я встречал очень немного.

Найденов был высоко эрудированным человеком. Он умел слушать других, был доступен и никогда не допускал грубости или высокомерия в отношении подчиненных. Но в то же время он не робел перед сильными мира сего, был тверд в своих суждениях, в особенности, когда речь шла об отстаивании государственных интересов либо привлечении к законной ответственности должностных лиц, какой бы высокой пост они ни занимали.

Конечно, как и всякий человек, Виктор Васильевич имел свои слабости и недостатки и, безусловно, совершал ошибки. Но не они определяли его лицо. Найденов был стойким бойцом, дерзновенным прокурором, перед которым закон на цыпочки вставал, но он был еще и очень интересным человеком, являя собой одновременно образ огненный и смиренный. Помню, что под его обаяние я попал сразу.

Свои борения с сильными мира Найденов начал в те годы, когда Генеральным прокурором страны был легендарный человек, человек с мировым именем — в прошлом Главный государственный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе Роман Андреевич Руденко. И это нельзя не отметить, ибо без благословения Генерального прокурора по существующим тогда правилам игры вряд ли такое было возможно. К тому же Руденко всегда лично курировал расследования наиболее важных уголовных дел. И кто знает, отчего у Романа Андреевича произошел четвертый, последний, инфаркт, после которого он скончался. История болезни об этом умалчивает. Зато история так называемого «Краснодарского дела» говорит, что это произошло в самый драматический период его расследования. После ухода из жизни Руденко неприятности посыпались на Найденова, как из рога изобилия.

Но начну по порядку. Все началось с того, что в благодатном Краснодарском крае, «хозяином» которого тогда был первый секретарь Краснодарского крайкома партии С.Ф. Медунов — член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, близкий приятель Генерального секретаря Л.И. Брежнева, секретаря ЦК К.У. Черненко и многих других важных персон — были выявлены вопиющие факты беззакония, произвола и коррупции. Произошло это так. Следственная часть Прокуратуры Союза расследовала дело по Министерству рыбного хозяйства СССР. Следственной бригадой руководил знаменитый на всю страну, опытейший криминалист, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Андрей Хоренович Кежоян. Он с санкции заместителя Генерального прокурора СССР Найдено-

ва арестовал заместителя министра рыбного хозяйства В.И. Рытова. По делу проходили многие чиновники, занимавшие высокие должности. Когда Кежоян тяжело заболел, дело принял к своему производству другой следователь по особо важным делам — Сергей Михайлович Громов, который и закончил это расследование.

Однако при расследовании дела по Министерству рыбного хозяйства СССР следователи «вышли» на курортный город Сочи. Там их заинтересовал директор первого тогда в стране сочинского магазина фирмы «Океан» А. Пруидзе, который был арестован за передачу взятки заместителю министра Рытову. Затем последовали аресты и других сочинских чиновников: заместителя директора магазина «Океан», директора базы Мясорыбторга, начальника гаража совминовского санатория и еще нескольких человек. В показаниях замелькала фамилия председателя Сочинского горисполкома В.А. Воронкова. Дело в отношении него было поручено расследовать следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Георгию Александровичу Эфенбаху, одному из лучших криминалистов страны, человеку принципиальному и честному.

Так возникло непосредственно уже «Краснодарское дело». Собственно говоря, оно не представляло собой единого целого, а состояло из ряда отдельных дел, которые следователи направляли в суд по мере их окончания, объединенных лишь своей принадлежностью к этому хлебородному краю. На каком-то этапе Найденовым к их расследованию была привлечена чуть ли не половина сотрудников Следственной части Прокуратуры СССР, не считая прикомандированных следователей из различных регионов страны. Но в то же время все дела были очень тесно взаимосвязаны. Каждый следователь, занимаясь своим делом, так или иначе вникал и в то, что происходило в кабинетах его коллег. Допрашивать им приходилось не только «своих» обвиняемых, но и тех, кто проходил по другим делам. И над всеми этими делами незримо вставала фигура «хозяина» Краснодарского края Медунова.

Загадочные исчезновения, внезапные смерти, сотни поломанных судеб — таким было это грандиозное дело, которое курировал прокурор Найденов. Настоящая война, объявленная в Краснодарском крае взяточникам и казнокрадам. Правосудие против преступного спрута, щупальцы которого тянулись к партийной верхушке края и выше.

Краснодарский край — щедрый, плодородный, гостеприимный регион. Горы и заповедники, хвойные леса, целебные источники и мягкий климат. Сюда ежегодно приезжало более пяти миллионов отдыхающих со всего Советского Союза. Элитные санатории, солнеч-

ные ванны, лучшие здравницы в стране. Получить путевку в главный курортный город страны Сочи — заветная мечта советских граждан.

Отдохнуть от большой политики и государственных забот прилетали и особые гости — чиновные, сановитые, облеченные громадной властью.

Высокопоставленные граждане страны Советов прибывали на курорт и убывали через VIP-зал Сочинского аэропорта, где для них был всегда накрыт стол — коньяк, вино, икра, фрукты. Потом появился еще и бильярд. Со временем на каждого VIP-гостя заводился специальный «формуляр» — какие у него вкусы, предпочтения.

Учитывалось все. Этот любит, чтобы его встречали с розами, этот — машину к трапу, этот предпочитает коньяк. В карточке Алексея Николаевича Косыгина, Председателя Совета министров СССР, было написано: песни Людмилы Зыкиной. Скромный был человек.

После VIP-зала — спецавтомобиль. Отличительной особенностью этого автомобиля были не только специальные номера, но и обязательно двухцветная раскраска. Она давала возможность в автомобильном потоке работникам ГАИ определить, кто едет.

В общем, с первых минут пребывания на сочинской земле VIP-гость сразу попадал в бархатные лапы спецобслуживания. В номерах санатория — мини-бар с деликатесами и всевозможными «дарами Кубани». И непременно баночка черной икры кубанского производства с Чувского завода.

Особо важных гостей Сергей Федорович Медунов, «владыка Кубанский», принимал лично. В так называемых чайных домиках. Его как огня боялись подчиненные и уважали партийные боссы. Еще бы: первый секретарь Краснодарского крайкома — любимец Брежнева. К нему ехали завязывать дружбу важные люди со всей страны. Отношения вполне рыночные — строятся по принципу «ты мне — я тебе». Сочи недаром называли «летней столицей страны». В период отпусков все дела решались там.

В «летнюю столицу» страны Советов нередко наведывался и сам Генеральный секретарь.

Медунова прочили ни много ни мало в преемники Брежнева. И его знаменитое в советской элите кубанское гостеприимство должно было помочь ему совершить стремительный путь наверх.

В 1978 г. умер секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Федор Кулаков.

И тогда Медунов уже откровенно, с согласия Брежнева, стал метить на его место. Вопрос был практически решен. Однако у председателя

КГБ Юрия Андропова были другие планы. Он лучше других знал, что такое «медуновщина». Понимал, что Медунова к высшей власти допустить нельзя. Стране нужны были перемены, Медунов же был воплощением худших сторон брежневской эпохи с ее коррупцией и взятками.

Глава КГБ уже готовил масштабную операцию по «зачистке» Краснодарского края. Ставка была сделана на прокуратуру. Тогда-то Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко и поручает навести порядок в вотчине Медунова своему заместителю — Виктору Васильевичу Найденову.

Найденов не побоялся вступить в схватку с «краснодарским спрутом». Еще молодой, полный сил, по-хорошему дерзкий, он умел дергать удары.

Сразу после возбуждения уголовного дела начались аресты. Было важно показать, что прокуратура взялась за дело всерьез, а не на словах. Вслед за Приудзе под стражей оказались и другие работники фирмы «Океан», через которую проходили гигантские объемы рыбы. На них делались огромные деньги. Банальная «усушка-утруска», приписки... Пропавшую рыбу не списывали, а, подержав несколько дней в холодильных камерах, чтобы пропал запах, продавали. Красная икра реализовывалась на развес — а это и вовсе «живые» левые деньги. С каждого килограмма почти 100 граммов «прилипало к рукам» продавцов. Но самое выгодное — деликатесы. Осетрина, белуга и черная икра продавались «по благу». За ними приходили к «служебному входу».

В «Океане» сложилась хорошо отлаженная система. Каждый продавец нес мзду директору магазина. Директор магазина ее собирал и отдавал значительную часть кому-то из городского начальства. Городское начальство прикрывало от строгих проверок и следило за бесперебойным снабжением магазина свежими и дефицитными «дарами моря».

При обыске в квартире Воронкова, который, как председатель горисполкома, активно лоббировал интересы «Океана», было найдено 10 тыс. руб., несколько сбер книжек и золотые украшения. У него был огромный загородный дом с фонтанами, гаражами, в которых стояли иномарки. Здесь закатывались гулянки для приближенных и нужных людей. Рассказы очевидцев об этих «приемах» за высоким забором передавались из уст в уста по всему Сочи. Воронков, разумеется, брал не только с «Океана». Получить квартиру без очереди, устроиться на хорошую должность директора. За все мэр брал «копеечку». А еще «брал борзыми щенками» — осетриной и жареными поросятами, дорогим хрусталем и сервизами, коврами и мебельными наборами. Свое лихоимство объяснял трогательно просто: «Жалко отказываться, если дают».

После ареста Воронкова обо всей этой вакханалии поборов заговорили открыто. В «Литературной газете» вышла статья «Ширма» о Воронкове, автором которой был Аркадий Ваксберг. Но надо прямо сказать, что за этой публикацией стояла прокуратура, которая решила привлечь на свою сторону и общественное мнение. Потому как борьба разворачивалась серьезная — покровительствовавший Воронкову Медунов был в бешенстве и готов был расправиться с теми, кто вторгся в его вотчину, где только он один имел право карать или миловать.

Изыскивались любые возможности для компрометации следствия, благо для этого появилась хорошая возможность. У одного из свидетелей по делу, председателя райисполкома Хосты, не выдержали нервы, и он после допроса покончил жизнь самоубийством. Раздались громкие крики о том, что человека довели до самоубийства следователи. Началась служебная проверка, никаких нарушений или злоупотреблений со стороны работников органов прокуратуры и внутренних дел она не обнаружила. Но нервы следователям потрепали основательно.

Руководители края делали все возможное, чтобы «закрыть» краснодарские дела. Они, разумеется, прежде всего пытались давить на Найденова, руководившего ходом следствия. Когда поняли, что не удастся, стали искать другие способы.

Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Владимир Калиниченко вспоминал: «В Сочи решили провести всесоюзное совещание начальников городских и районных органов внутренних дел курортных городов страны. Главная роль в этом спектакле отводилась Юрию Чурбанову (первому заместителю министра внутренних дел, зятю Брежнева). Пригласили для участия в совещании и Найденова. Пышно и торжественно встречали в аэропорту Адлера высокопоставленных гостей. Особенно услужливо — соблаговолившего не обделить своим вниманием мероприятие Медунова. И сегодня лежит в моих личных архивах цветная фотография, на которой в фойе горкома партии стоит на переднем плане в мундире генерал-лейтенанта внутренних войск и с огромным набором орденов колодок Чурбанов и рядом Медунов с Золотой звездой Героя Социалистического Труда. За ними — другие гости, принявшие участие в совещании, и в том числе улыбающийся Найденов. Глядя на снимок, я всегда думал: интересно было бы узнать, что на уме в этот момент у каждого из них? Про других не знаю, но Виктора Васильевича, полагаю, волновала поступившая информация, что его намереваются пригласить на ужин, угостить спиртным, на обратном пути под благовидным предлогом остановить автомашину и спровоцировать

инцидент со всеми вытекающими отсюда последствиями... Насколько правдивой и верной была информация, сказать трудно, но искушать судьбу он не стал. Сразу после окончания совещания Найденов с работниками КГБ уехал в Гагры, а Медунов и Чурбанов — в «резиденцию» на застолье. Ближе к вечеру последовала команда привезти к ним Найденова, но рисковать Найденов не стал».

О том, насколько напряженной была атмосфера вокруг следствия, свидетельствует и такой факт. Через некоторое время после выхода скандальной статьи «Ширма» Аркадию Ваксбергу предстояла командировка в Сочи. Накануне отлета ему позвонил Найденов.

Ваксберг потом мне рассказывал, что Виктор Васильевич был очень осторожен, советовал не ехать в Сочи. Когда Ваксберг стал отшучиваться: «Мол, а что будет? Убьют?» Найденов шутку не принял и сказал: «А вдруг кому-то в Сочи покажется, что вы пытались кого-то растлить или изнасиловать». После этого, как показалось Ваксбергу, серьезного предупреждения он поездку в Сочи отменил.

Спасти Воронкова «краснодарским» не удалось. Он получил 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

А хозяин Краснодарского края Медунов продолжал принимать московских гостей в своей вотчине все с большим и большим размахом. Самое главное для него было — заручиться поддержкой Москвы. Чем больше людей при должностях будут ему обязаны, тем лучше. Экскурсии, баня, рыбалка, ужин в самых дорогих ресторанах, самые дорогие и роскошные блюда, напитки. Ничего не жалко! VIP-гостей обслуживали официанты только высшего, пятого разряда. Сервировка стола зависела от статуса персоны. Градацию гостей обозначали на своем, тайном языке: «Клиент — “2 стекла”, “3 стекла”, “4 стекла”».

«3 стекла» — рюмка винная, винный бокал и бокал для воды.

«4 стекла» — фужер для шампанского, фужер винный, фужер для минеральной воды, рюмка для водки. «4 стекла» включали и дополнительные услуги. Это была повышенная категория — баня, девушки.

Каждое застолье обходилось в 2–3 тыс. руб. По тем временам — огромные деньги. «Жигули» стоили 6–7 тыс.

Кто же за все платил? Откуда шли деньги?

А за этим праздником жизни скрывался еще один «герой» — секретарь Сочинского горкома КПСС по идеологии Александр Мерзлый. Правая рука Медунова.

Технология была достаточно простая. Самые щедрые суммы на угощение «нужных гостей из столицы» предоставляла жена Мерзлого — Валентина Мерзлая. Она держала в своих руках весь общепит го-

рода. За любовь к роскоши Валентину Мерзлую прозвали «шахиня». Возглавляемое ею Управление общественного питания распоряжалось огромными партиями продуктов. В столовых и кафе миллионы обычных отдыхающих нещадно обворовывались.

Для того чтобы из одной порции сметаны получить две или три, ее просто разбавляли, в лучшем случае кефиром, в худшем — просто водой. Вместо мяса в суп добавляли комбижир — дешевую смесь растительных и животных жиров. Из фарша на 10 котлет, если в него добавить много хлеба, лука, манки, получали 20. Осетрину подменяли минтаем и треской. Осетрину, конечно, тоже добавляли, но немного — только для запаха. На самом обычном чае тоже делали большие деньги: немного дешевой заварки, кипяток, для цвета жженный сахар и — на огонь. Чем дольше томить, тем лучше «заварится»!

За сезон работники столовых и ресторанов, обложенных оброком Мерзлой, «выручали» миллионы «левых» рублей. Большая часть шла в карман «шахини». Денег было столько, что она их даже не считала. Часть, буквально на глаз, передавала мужу — на важных гостей Медунова.

В Геленджике, втором крупном курортном городе края, была своя «шахиня». Звали ее «железная Бэлла», по паспорту Бэлла Бородкина. У этой начальницы городского общепита покровителем был Погодин, первый секретарь Геленджикского горкома. Об этой «крыше» Бородкиной знал весь район, к тому же работала «круговая порука» сотрудников общепита.

Чтобы добраться до того, кто сидит наверху, следователям нужно было выяснить, откуда деньги шли наверх. Те, кто наверху, все отрицали. Приходилось докапываться до низового звена, чтобы проследить весь преступный путь денег.

Следователи допрашивали десятки работников столовых, ресторанов, кафе. Все они называли одну и ту же фамилию — Бородкина. В какой-то момент стало ясно — «железной Бэлле» уже не отвертеться. Когда за ней захлопнулась дверь тюремной камеры, она поняла, что ее «крыша» больше спасать не будет, и решила во всем признаться. Так вышли на Погодина.

И вот тут Медунов окончательно взбесился. До этого сажали руководителей трестов, главных управлений, партийных работников, и вдруг — Погодин, самый вхожий к нему секретарь из низовых партийных организаций. Забегая немного вперед, уместно будет вспомнить, что Погодин во время их последней встречи сказал, что если он будет арестован, то молчать не будет. После этого разговора он и исчез.

На поиски первого секретаря Геленджикского горкома партии были брошены отряды милиции, альпинисты, водолазы. Тралили дно моря, проверяли всех поступивших в морги, обзванивали больницы. Обыскивали квартиру Погодина. Ничего. Был наложен арест на корреспондентку его, жены, двух дочерей. Прослушивались и телефонные разговоры.

Погодина не было ни среди живых, ни среди мертвых. Но так не бывает. Следствие посчитало, что Медунов ему шепнул: «Исчезни!» И он исчез. Скорее всего, он заранее разработал всю систему побега, когда понял к чему все идет.

По одной из версий, Погодин «ушел» по морю. Однако это невозможно было сделать без свидетелей. Уйти по морю — значит, посвятить в свой план несколько человек на судне, на берегу. Но никаких свидетелей отыскать не удалось.

По другой версии, первый секретарь Геленджикского горкома вылетел ближайшим рейсом в Среднюю Азию. Под своей настоящей фамилией он не улетал. Но, возможно, у него был и подложный паспорт. Разрабатывали и бытовую версию — вышел человек из дома, напали какие-то бандиты или хулиганы, ограбили, а тело спрятали. Но тело Погодина нигде не нашли.

Поиски продолжались почти два года. Бесполезно. Из числа лиц, привлекаемых по «Краснодарскому делу» к уголовной ответственности, Погодин оказался единственным «из приближенных Медунова», кому удалось скрыться.

Чугунное колесо следствия, набрав обороты, крутилось не переставая. Теперь под прицелом оказался Александр Мерзлый. Этого в Сочи называли «сыном Медунова». Действия Прокуратуры СССР вызвали жуткий гнев Медунова. Гнев, переходящий в страх. Могла обрушиться вся его карьера, да что карьера!

Для того чтобы опорочить следствие, в Сочи приехали представители комиссии партийного контроля крайкома партии, которые затеяли проверку, обвиняя работников правоохранительных органов в нарушении социалистической законности. Не брезговали даже фальсификацией материалов. С подачи Медунова был снят с работы, а затем и исключен из партии прокурор города Сочи заслуженный юрист РСФСР Петр Кузьмич Костюк, активно помогавший следствию и дававший санкции на аресты некоторых высокопоставленных сочинских взяточников. Министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков уволил из органов внутренних дел заместителя начальника УВД Сочинского горисполкома А. Удалова и еще нескольких руководителей,

активно способствовавших разоблачению взяточников. Фактически следствию был предъявлен ультиматум: немедленно покинуть Сочи.

Но Найденов и не думал сдаваться. Виктор Васильевич без дрожи в руках продолжал подписывать важные прокурорские документы. Аресты высокопоставленных сочинских чиновников продолжались. Оказались в тюрьме второй секретарь Сочинского ГК КПСС Тарановский, заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов Перепада, ряд руководителей торговли и общественно-го питания Сочи. Тогда Медунов выдвинул «тяжелую артиллерию». Он написал докладную записку в ЦК КПСС, обвиняя следователей Прокуратуры СССР во всех тяжких грехах. Конечно, немедленно была создана авторитетная комиссия. От Прокуратуры Союза ССР в нее были включены заместитель начальника следственной части Юрий Николаевич Шадрин и старший следователь по особо важным делам Алексей Васильевич Чижук. Они дали объективные заключения.

Тем не менее Медунов продолжал противостоять следствию. Как вспоминал В.И. Калиниченко, «хозяина» края особенно раздражал следователь М. Розенталь, который занимался следствием непосредственно по городу Сочи, когда Эфенбах уезжал в Москву. От руководителей Прокуратуры Союза Медунов требовал не только отстранения от должности Эфенбаха, Розенталя, Чижука, но и их ареста и привлечения к уголовной ответственности.

Но в Москве быстро выяснили, что весь компромат — фальшивка. Председатель КГБ Андропов не дал возможности провести желаемое для Медунова решение — возбудить дело против прокурорских, арестовать, объявить сочинское расследование сфабрикованным.

Началась изнурительная борьба. Обстановка вокруг дела накалялась с каждым днем. Ряды арестантов пополнили председатель партийной комиссии крайкома Карнаухов, другие высокопоставленные чиновники, бывшие к тому же депутатами местных Советов. Несмотря на представленные Прокуратурой СССР доказательства вины этих обвиняемых, крайисполком не дал согласия на их привлечение к уголовной ответственности. Однако по представлению Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова, который 9 февраля 1981 г. сменил на этом посту неожиданно ушедшего из жизни Романа Андреевича Руденко, такое согласие было получено от Президиума Верховного Совета РСФСР.

Не выдержав напряженной борьбы и постоянных необоснованных нападок, скончался от инсульта в возрасте чуть более пятидесяти лет и следователь по особо важным делам Георгий Александрович Эфен-

бах. Расследуемое им дело принял к своему производству старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Константин Карлович Майданюк.

Прокуратура Союза продолжала активно работать по всем Краснодарским делам. И в тот момент, когда Медунов рапортовал на срочно созванном им пленуме краевого комитета КПСС, что комиссия ЦК КПСС никаких нарушений со стороны секретаря Сочинского горкома партии Мерзлого не установила, в Сочинский горисполком поступило представление, подписанное заместителем Генерального прокурора СССР Найденовым, в котором испрашивалось согласие на привлечение депутата Мерзлого к уголовной ответственности. Это переполнило чашу терпения Медунова. Он встретился с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым, отдохавшим в то время на берегу Черного моря, и судьба Виктора Васильевича Найденова была решена.

Именно тогда, в сентябре 1981 г., Найденову исполнилось 50 лет. И именно тогда многие сообразили, куда дует ветер и над кем сгущаются тучи. Сообразили и отошли в сторону, всячески демонстрируя свою непричастность. Именно тогда я и приехал из Киева поздравить Виктора Васильевича с юбилеем, о чем я уже писал ранее.

Вскоре, через два месяца, в ноябре 1981 г., Найденов был освобожден от занимаемой должности и уволен из органов прокуратуры. Приказ был одобрен лично Брежневым. Отстоять его новый Генеральный прокурор СССР Александр Рекунков тогда не сумел — он еще не имел в высших партийных кругах должного авторитета, такого же, как его внезапно скончавшийся предшественник Руденко.

По этому поводу помощник Генерального прокурора СССР по особым поручениям В.Г. Демин тогда написал стихи «На снятие В.В. Найденова»:

По мнению людей приличных,
Он свое дело знал отлично.
Но любят более пластичных
И тех, что все решают лично.
Под тихий шорох авторучек,
Без нахлобучек и без взбучек,
Без шума лишнего и чтения морали
Его убрали.
Ты спросишь, где искать мораль?
Ищи, где хошь, найдешь едва ль...

Медунов чувствовал себя победителем. Как-то, когда он привычно сидел в президиуме очередного высокого совещания, к нему по-

дошел помощник и сказал: «Сергей Федорович, вас срочно просит Александр Михайлович Рекунков — Генеральный прокурор Советского Союза». И Медунов развернулся, театрально развернулся, вальяжно, чтоб все видели, и не шепотом, а так, чтобы тоже все слышали, сказал: «Да пошел он!..» Далее последовала нецензурная брань. Человек был уверен в своей недоступности для закона.

Тогда Медунов не мог и подумать, что пройдет совсем немного времени и он будет сидеть в следственной части прокуратуры Советского Союза и давать показания следователю по особо важным делам.

Однако расследование «Краснодарского дела» продолжалось, и Виктор Васильевич с большим волнением следил за ним. Осмелевший Сочинский горисполком не дал прокуратуре своего согласия на привлечение к уголовной ответственности Мерзлого. Вторично этот вопрос перед депутатами был поставлен осенью 1981 г. Генеральным прокурором СССР Рекунковым. Депутаты тянули до последнего, но все же весной 1982 г. сдались. В мае того же года Мерзлый был арестован. Его делом занялся старший следователь по особо важным делам В.И. Калиниченко. В одной из бесед он мне рассказывал:

«Я говорю Мерзлому: “Александр Трофимович, для того чтобы доказать вашу вину в получении взяток, мне придется арестовывать вашу жену... А следом арестовывать тех людей, которые ей давали деньги... Я хотел бы этого избежать, но для этого вы должны сами рассказать обо всем...”»

Но в планы Мерзлого это не входило. Он никогда не отличался благородством. Наоборот, все валил на жену. В итоге сели оба...

Кстати, интересно в дальнейшем сложилась их судьба: Мерзлый попал под амнистию, а жена под эту амнистию не попала. Так что он вышел раньше нее.

Говорят, что после освобождения «шахиня» потеряла рассудок — она узнала, что ее благоверный, выйдя из тюрьмы, женился на молодой и покинул страну. Как выяснилось, навсегда.

Когда арестовали «железную Бэллу», повторилась уже знакомая история. Из дома Бородкиной пришлось мешками и коробками выносить меха, хрусталь, золото и бриллианты. Всего было изъято ценностей и денег на сумму около миллиона рублей! По тем временам сумма просто несусветная. Деньги были везде — даже за батареей водяного отопления!

Квалификация преступления не вызывала сомнений — хищение в особо крупных размерах. А по законам того времени — это расстрел. Бородкина цеплялась за жизнь, как могла. Даже разыгрывала из себя

умалишенную. Психиатрическая экспертиза «болезнь» не подтвердила. В отчаянии «железная Бэла» начала сдавать всех, кого знала, и даже тех, кого лично не знала.

Дошла очередь и до владыки Краснодарского края. Медунова стали вызывать на допросы. Ничего серьезного ему вменить не смогли. Однако оказалось, что он остался один. Никто не бросился его прикрывать, защищать, спасать. Была одна надежда — стремительно дряхлеющий генсек. И Брежнев спас его. Сказал, что привлекать его не надо. Потому что Медунов в течение долгого времени достаточно успешно руководил огромной партийной организацией. И когда мы такого человека начинаем сажать, пусть даже за дело, то мы наносим больший ущерб.

К этому времени К.К. Майданюк сумел «раскрутить» дело Тарады. Второго секретаря Краснодарского крайкома партии Анатолия Тарады злые языки в крае называли «кошельком Медунова». Всего за несколько лет он сделал головокружительную карьеру от выпускника мясомолочного техникума до одного из руководителей крайкома партии. По рекомендации Медунова стал заместителем министра мясной и молочной промышленности СССР! Во время работы в крайкоме оброк с краевых организаций собирал, не таясь, как полноправный хозяин. Получив и пересчитав деньги, любил сказать небрежно: «Ты, братец, будь осторожен. Мне осторожность ни к чему, а тебе очень нужна — ты же даешь...» Медунов позволял ему все, но, когда Тараде поступала команда — оплатить, он оплачивал любую сумму. На таких принципах они и работали.

«Обобрал, подставил, сломал» — вот правила Тарады. Так что недругов у него было хоть отбавляй. Сдавали его охотно. Дело шло к аресту. Тарада решил опередить события — пришел с повинной. Понимал, что размах взяточничества и вымогательства таков, что может дойти и до расстрела. При обыске в квартире Тарады было найдено денег и драгоценностей на сумму в 350 тыс. руб.! По тем временам — сумма астрономическая.

Но это было далеко не все. В доме его водителя за кафельной плиткой был вмонтирован металлический сейф, где хранились золото и деньги. В сарае на даче в стену была вмурована большая чугунная чушка. Когда ее открыли, она оказалась сплошь набита драгоценностями. В другом сарае, где мирно паслись курочки и петушки, были зарыты большие бидоны, а в них — пачки денег.

Зачем столько? Ведь в те годы потратить их было невозможно — тотальный государственный и партийный контроль не позволял. Сам

Тарада на допросах говорил: «Дом купить я не мог, построить дом тоже не мог, потому что спросит партия, где я взял деньги, что ответить? Вот и прятал...».

Почти сутки Тарада писал чистосердечное признание, называя даты, фамилии, суммы. Память у него оказалась феноменальная — он назвал около 400 фамилий. Не забыл упомянуть и своего покровителя. Правда, повод был почти анекдотический. Как-то раз Медунов обратил внимание на заграничный плащ своего подчиненного. И бросил с намеком: «Слушай, ты знаешь, на мою фигуру трудно подобрать вещь, а вот твой плащ мне очень нравится...» На следующий день Медунову доставили этот плащ. Причем он плащ у Тарады купил — отдал все до копейки. Но Тарада все равно вспомнил про этот плащ: тогда он уже готов был сдать кого угодно, лишь бы спасти свою жизнь.

Суда он боялся страшно. Когда следователь собирался направить дело в суд, Тарада его остановил: «До этого я назвал тех, кто давал деньги мне. А теперь расскажу о тех, кому и зачем давал взятки я...».

После одного из допросов Тарада вернулся в свою камеру в крайне возбужденном состоянии, потерял сознание и был доставлен в городскую больницу. Через день Тарада скончался. По официальной версии — инсульт. Но пошли слухи. Одни говорили, что он принял яд. Другие, что ему помогли уйти из жизни.

Смерть Тарады очень многие отмечали, как праздник. И кто это был, понятно. Ведь они могли пойти за ним.

После того, как сменилось руководство ЦК КПСС и Генеральным секретарем стал Ю.В. Андропов, следствие пошло практически без помех. К длительным срокам лишения свободы были приговорены люди из ближайшего окружения Медунова — Тарановский, Перепадя, Мерзлый, Карнаухов и другие, многие десятки руководителей предприятий, учреждений и организаций Краснодарского края.

Серьезно сгустились тучи и над самим Медуновым. Теперь ему более часто приходилось посещать следственную часть Прокуратуры Союза ССР и давать показания по делу. И все же Медунова не тронули и после смерти Брежнева. Правда, тот от своего благодетеля сразу открестился. Мало того, обвинил его во всех грехах. В последнем своем интервью Медунов сказал о Брежневе: «Он был интриганского и конъюнктурного склада человек. У него не было своих взглядов. У него было одно устремление — восславить себя, не считаясь с тем, что на пути могут быть жертвы». Вот так после смерти генсека отблагодарил Сергей Федорович своего покровителя, которому был обязан

многим. Помню, даже следователи тогда удивлялись: как он мог столь жестко отзываться о Брежневе, который столько для него сделал, вокруг которого он столько витанцовывал?

С приходом Андропова Медунов потерял все — его отправляют на пенсию и исключают из партии. Все, кто работал с ним, кто был обязан ему своей карьерой, бросили своего благодетеля и хозяина.

Победа над «краснодарским спрутом» вроде бы была одержана. В ходе расследования этого дела более 5000 чиновников были уволены со своих постов и исключены из рядов КПСС, примерно 1500 человек осуждены и получили немалые сроки. Но надо честно признать: до конца это дело так и не довели, шупальцев было слишком много, а события в стране развивались стремительно. Невиданные исторические катаклизмы обрушились на СССР. Страна развалилась, и «сочинское дело» заслонили другие, более актуальные по тем временам дела и проблемы.

А бесстрашный прокурор Виктор Васильевич Найденов после смерти Брежнева стал добиваться восстановления в прежней должности, обратился с письмом к новому Генеральному секретарю ЦК КПСС Андропову. Только после этого, и то с длительными проволочками, его ходатайство было удовлетворено. Правда, теперь как заместитель Генерального прокурора СССР он руководил уже не следствием, а другими участками работы. Ему вновь стали прочить блестящую карьеру, однако этому уже не суждено было сбыться.

И хотя в марте 1987 г. его звезда опять засияла на небосклоне юриспруденции — он был назначен Главным государственным арбитром СССР, и многие именно с этим назначением связывали его будущий взлет — 2 июня 1987 г. Найденов скоропостижно скончался. Здоровье его основательно было подорвано «краснодарским спрутом». Похоронили мы тогда Виктора Васильевича в ясный солнечный день на Новодевичьем кладбище.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Звягинцев Александр Григорьевич — заместитель Директора Института государства и права РАН по международному сотрудничеству, вице-президент Международной ассоциации прокуроров.

AUTHOR'S INFO:

Alexander G. Zvyagintsev — Deputy Director of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences for International Cooperation, Vice-President of the International Association of Prosecutors.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Звягинцев А.Г. «Краснодарский спрут» и прокурор Найденов // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 5. С. 147–163. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-zvyagintsev

FOR CITATION:

Zvyagintsev, A.G. (2021). "Krasnodar Sprut" and Prosecutor Naydenov. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(5), pp. 147–163. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-zvyagintsev